
От редакции. Франтишка Соколова – славист, исследователь и переводчик белорусской литературы, почетный доктор Полоцкого университета, в прошлом сотрудника Славянской библиотеки в Праге, дочь известного чешского философа, ученика Эдмунда Гуссерля, феноменолога Яна Паточки (1907–1977), которому учитель, не знавший русского языка, подарил присланную ему накануне Первой мировой войны книгу другого своего ученика Г.Г. Шпета: «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы» (М., 1914). Книга эта была затем возвращена Я. Паточкой в библиотеку Э. Гуссерля в Лувене. 16 мая 2013 г. г-жа Соколова присутствовала на презентации серии «Философия России первой половины XX века» в Праге и была, вероятно, единственным человеком в зале, кто знал живших в Чехии русских философов лично. После этой презентации она написала для нашего журнала краткие воспоминания об Иване Ивановиче Лапшине, которому был посвящен один из томов этой серии.

Профессор Иван Лапшин. Воспоминания детства

© 2021 г. Ф. Соколова

Professor Ivan Lapshin. Childhood Memories

© 2021 Františka Sokolova

«Пойдем к профессору Лапшину», – как-то сказал папа, и мы пошли. Пана Лапшина, как мы его называли, я любила, и те несколько наших визитов к нему после Второй мировой войны мне потом надолго запомнились. Мне было тогда лет десять, я любила непонятные, таинственные разговоры, и поэтому мне не терпелось пойти в гости.

Вскоре после войны мы стали в школе учить русский язык. Но в то время я ничего не поняла бы, даже если бы разговор шел и на чешском языке, так как Иван Иванович и папа философствовали. Оба они были феноменологами.

Иван Иванович жил в темной полуподвальной квартире в Дейвицах, на улице Югославских партизан (раньше это была Подбабская), в доме № 20. Это был один из так называемых «профессорских домов», предназначенных для русской эмигрантской интеллигенции. Лапшин жил там один с 1932 г., а в Праге он находился с 1923 г. Он не был женат, а, может, был вдовцом.

Ласковый, милый, веселый старичок с белой бородой и добрыми глазами, тогда ему могло быть лет 77. Он не игнорировал ребенка, не допускал, чтобы мне было скучно. Я не имела понятия, какую драматичную жизнь он прожил и какую ему еще предстояло прожить. О жизни русской эмиграции у нас в семье при детях не говорили. Но мы знали этих людей, дедушка и папа с ними общались и оказывали им поддержку.

Позднее Лапшину, уже глубокому старику, помогли соседи, особенно по профессорскому дому. Он был не совсем одинок. Не могу себе представить, на что он жил, когда не смог уже больше работать. Но тогда еще существовала солидарность, особенно в эмигрантской среде.

«Куда же подевались все эти милые, скромные люди, готовые поделиться с тобой последним куском хлеба?» – говорил в старости мой папа.

Хозяйство Лапшина чрезвычайно усердно вела несчастная Валентина Афанасьевна Флоровская, чудаковатая супруга знаменитого историка Антония Васильевича Флоровского, которая нередко становилась объектом насмешек окружающих.

Позднее, начав заниматься музыкой, я оценила книгу И.И. Лапшина «Русская музыка» (Прага, 1947 г.). Я с удовольствием ее перечитывала, долгие годы книга была очень популярной среди чешских читателей. Этот труд, написанный на понятном языке, быть может, как и ряд других работ Лапшина, даже не был издан на русском языке.

Я не имела понятия, что он принадлежит ученому мирового уровня и широкого круга интересов, профессору Санкт-Петербургского университета.

Несмотря на то что я была еще ребенком, я навсегда запомнила, с каким безразличием Иван Иванович смотрел на подавляющую серость быта. Он стоял выше окружающей его нищеты, житейские невзгоды не могли помешать его работе, в которой он обретал душевное равновесие и внутреннее удовлетворение. В последние дни жизни Ивану Ивановичу пришлось выслушивать в больнице атеистическую пропаганду какого-то коммуниста, соседа по койке.

Профессор Лапшин умер осенью 1952 г. и похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Хочу выразить благодарность особенно Анастасии Васильевне Копршиновой, специалисту по истории русской эмиграции в Чешской Республике, которая помогла мне выявить и уточнить некоторые данные. Если бы меня не попросили написать эти воспоминания о профессоре Лапшине, я никогда бы не решилась на это.

Здесь, наверно, уместно процитировать один из его анекдотов.

Когда после революции директором одного из крупных петербургских театров был назначен монтировщик декораций, то, выступая однажды на собрании, он сказал:

«Но, товарищи, я же в этом не Копенгаген!»